ТОРГОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: БАРЬЕРЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ

Изотов Д.А.,

Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск

Аннотация. Полученные оценки эффекта границ указали на наличие экономических предпосылок для расширения торговли в Северо-Восточной Азии (СВА), в которой Китай играет связующую роль между странами субглобального региона. Однако, накопившиеся политические противоречия между некоторыми странами СВА, а также влияние третьих стран, значительно затрудняют реализацию имеющегося потенциала торгового сотрудничества между странами субглобального региона. При прочих равных условиях, снижение барьеров в торговле между Китаем, Японией и Республикой Корея способно нарастить товарообмен всей СВА. На основе оценок установлено, что сближение с китайской экономикой способно заметно увеличить внешнюю торговлю России и Монголии. Полученные оценки для КНДР указали на привязку ее экономики к китайскому рынку, а также на высокие барьеры в торговле с Республикой Корея, в случае снижения которых, внешняя торговля Северной Кореи может заметно увеличиться.

Ключевые слова: *торговля, барьеры, потенциал торговли, Северо-Восточная Азия.*

TRADE INTERACTIONS IN NORTHEAST ASIA: BARRIERS AND GROWTH POTENTIAL

Izotov D.A.,

Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk

Abstract. The obtained estimates of the border effect indicated the presence of economic prerequisites for increasing trade in Northeast Asia (NEA). In this model, China already plays a bridging role between the NEA countries. However, the accumulated political contradictions between some NEA countries, as well as the influence of third countries, significantly complicate the implementation of the existing trade potential between the countries of the sub-global region. All other things being equal, reducing barriers to trade between China, Japan and the Republic of Korea can increase trade throughout NEA. Based on the estimates, it was found that the foreign trade of Russia and Mongolia can significantly increase rapprochement with the Chinese economy. The obtained estimates for the DPRK indicated the linkage of its economy to the Chinese market, as well as high barriers to trade with the Republic of Korea. Reducing these barriers can significantly increase North Korea's foreign trade.

Keywords: *trade, barriers, trade potential, Northeast Asia.*

Введение. Страны Северо-Восточной Азии (СВА)¹² характеризуются предрасположенностью к развитию торгово-экономических взаимодействий по причине наличия взаимодополняющих друг друга факторов производства и природных ресурсов [1, С.12]. Следует заметить, что с точки зрения размера экономики и масштаба торговых взаимодействий, в СВА выделяются страны Большой тройки (Китай, Япония и Республика Корея) и остальные страны – Россия, Монголия и КНДР. При прочих равных условиях страны Большой тройки могут выступить в роли интеграционной «оси» СВА [3]. В целом, основные положительные торгово-экономические эффекты для данного субглобального региона связываются, прежде всего, со снижением барьеров, сдерживающих взаимодействия между экономиками стран, входящих в Большую тройку [4], которые могут распространиться и на остальные страны СВА. Соответственно, страны СВА обладают определенным торговым

¹² К СВА относятся шесть государств: КНР, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия и КНДР.

потенциалом, который возможно реализовать в условиях снижения барьеров, препятствующих развитию торгово-экономических взаимоотношений. В свою очередь, можно предположить, что экономики СВА различаются с точки зрения наличия взаимных барьеров, снижение которых способно непропорционально увеличить торговлю между ними. С этой точки зрения, при прочих равных условиях имеется проблема реализации потенциала торговли для стран СВА, в зависимости от их экономического сближения с той или иной страной субглобального региона. Определение данного потенциала торговли, который формируется совокупными барьерами между взаимодействующими экономиками, возможно на основе оценки эффекта границ [2], который понимается как совокупность торгово-экономических издержек, возникающих вследствие пересечения товаром какой-либо границы между странами¹³.

Материалы и методы. В качестве исходных данных использована международная статистика для периода 1995–2023 гг., стоимостные показатели которой представлены в долларах США в текущих ценах. Статистика, отражающая размер экономик представлена значениями их ВВП и была заимствована из баз данных МВФ [8] и ООН [6]. Источником стоимостных объемов взаимного экспорта стран СВА друг с другом и с третьими странами являлась база данных ООН [6]. Всего в панель были включены торговые взаимодействия стран СВА со 192 странами и экономическими территориями мира, на которые в среднем за рассматриваемый период приходилось почти 99% их экспорта. В качестве значений физических расстояний между странами были использованы взвешенные значения, рассчитанные на основе методологии СЕРП [5], которые были представлены в километрах.

Для вычисления эффекта границ стран СВА, гравитационная зависимость оценивалась в следующем виде [10]:

$$\frac{x_{ijt}}{y_{it}y_{jt}} = \exp[\beta_0 + \beta_1 \ln d_{ij} + \beta_2 CN_{ij} + \beta_3 JP_{ij} + \beta_4 KR_{ij} + \beta_5 RU_{ij} + \beta_6 MN_{ij} + \beta_7 DPRK_{ij} + \beta_8 ROW_{ij} + \lambda_i + \lambda_j + \lambda_t + \varepsilon_{ijt}], \quad (1)$$

где: x_{ij} – экспорт страны i в страну j ; y_i – ВВП страны i ; y_j – ВВП страны j ; t – временной промежуток; d_{ij} – физическое расстояние между i и j . Остальные переменные являются фиктивными, принимая значение равное единице в случае наличия признака или нулю при его отсутствии, отражая эффект границ: CN – для торговли страны СВА с КНР; JP – для торговли страны СВА с Японией; KR – для торговли страны СВА с Республикой Корея; RU – для торговли страны СВА с Россией; MN – для торговли страны СВА с Монголией; $DPRK$ – для торговли страны СВА с КНДР; ROW – для торговли страны СВА с третьими странами. Динамические факторы контролировались фиксированными эффектами на годы (λ_t), а не изменяющиеся факторы – фиксированными эффектами для стран-экспортеров (λ_i) и стран-импортеров (λ_j). Поскольку в рамках (1) отсутствуют данные, отражающие торговлю в рамках национальных рынков стран СВА, то базовым значением эффекта границ выступает соответствующее значение данного показателя для одной из стран субглобального региона, с которой данные страны имеют его наименьшее значение. Полученные полуэластичности сравнительного эффекта границ были пересчитаны в тарифный эквивалент (в %) в рамках следующего выражения: $(e^{\frac{\beta_{2...8}}{1-\sigma}} - 1) * 100$ [2]. Для упрощения анализа допускается, что отражающее относительные предпочтения потребителей эластичность замещения между товарами (σ) является постоянной, а ее значение равно пяти, по аналогии с ранее проведенными исследованиями [7]. Высокие значения сравнительного эффекта границ отражают низкую интенсивность двусторонней торговли и наоборот.

В результате, на основе (1) оценивались значения эффекта границ для шести массивов данных, отражающих, соответственно, торговые взаимодействия КНР, Японии, Республики Корея, России, Монголии и КНДР с глобальной экономикой.

¹³ В настоящем исследовании потенциал торговли между двумя странами является сравнительным по отношению к аналогичным показателям для торговых взаимодействий одной из этих стран с другими странами субглобального региона.

Результаты оценки и их обсуждение. В результате расчетов были получены статистически значимые коэффициенты регрессий (табл.1).

Таблица 1

Значения коэффициентов регрессий (1)

Показатель	Страна СВА					
	КНР	Япония	Республика Корея	Россия	Монголия	КНДР
In d (расстояние)	-0,57*** (0,11)	-1,20*** (0,12)	-0,39*** (0,15)	-1,54*** (0,08)	-2,67*** (1,18)	-0,24* (0,14)
CN (торговля с Китаем)	–	-1,01*** (0,27)	-0,95*** (0,28)	-3,29*** (0,26)	-5,47*** (0,36)	Benchmark
JP (торговля с Японией)	-2,81*** (0,27)	–	-1,51*** (0,29)	-3,46*** (0,27)	-4,80*** (0,24)	-2,08*** (0,38)
KR (торговля с Республикой Корея)	-1,92*** (0,26)	-1,21*** (0,30)	–	-3,14*** (0,26)	-4,00*** (0,30)	-3,28*** (0,36)
RU (торговля с Россией)	-1,95*** (0,31)	-0,56** (0,27)	-0,81*** (0,29)	–	Benchmark	-1,30** (0,55)
MN (торговля с Монголией)	Benchmark	Benchmark	Benchmark	Benchmark	–	-1,77*** (0,31)
DPRK (торговля с КНДР)	-2,44*** (0,27)	-2,14*** (0,29)	-2,20*** (0,46)	-3,42*** (0,37)	-7,36*** (0,31)	–
ROW (торговля с остальными странами)	-1,78*** (0,39)	0,64*** (0,24)	-0,49** (0,25)	-2,13*** (0,35)	-1,46*** (0,29)	-2,02*** (0,41)
Константа	-27,26*** (0,79)	-24,86*** (0,98)	-29,11*** (1,32)	-17,63*** (0,77)	-7,88*** (1,42)	-31,06*** (1,04)
Pseudo log-likelihood	-3,2e-09	-2,0e-09	-1,6e-08	-5,0e-09	-1,7e-09	-2,8e-09
Pseudo R ²	0,52	0,60	0,68	0,69	0,45	0,08
Число наблюдений	11107	11049	11107	11078	9686	9947

Примечания. *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,10$. Оценки фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения. Benchmark – базовая величина эффекта границ.

Источник: расчеты автора.

Полученные оценки указали на негативное влияние физического расстояния на торговлю стран СВА. Заметное негативное влияние на торговлю физическое расстояние оказывало на Монголию – внутриконтинентальную страну, не имеющую выхода к морю и территориально удаленную от морских портов третьих стран. Увеличение расстояния между Монголией и зарубежной страной на 1 п.п. способствовало сокращению товарооборота с ней почти на 2,7 п.п. В том числе по этой причине торговля Монголии отклонялась в пользу близких и крупных экономик стран СВА, доля которых в среднем за указанный период составляла более 80% ее внешнеторгового оборота.

Для России физическое расстояние оказывало меньшее, но также заметное сдерживающее влияние на внешнюю торговлю. Увеличение расстояния на 1 п.п. снижало товарооборот России с зарубежными странами на 1,5 п.п. Данное обстоятельство способствовало, при прочих равных условиях, отклонению внешней торговли России в пользу стран Европы вплоть до 2022 г., постсоветских стран, преимущественно входящих в ЕАЭС, а также Большой тройки СВА, главным образом, КНР.

Увеличение расстояния на 1 п.п. сдерживало товарооборот Японии с зарубежными странами на 1,2 п.п. Немного меньшее, но сопоставимое с Россией негативное влияние физического расстояния на торговлю Японии объяснялось переходом данной экономики от массового экспорта разнообразной промышленной продукции в 1990-х гг. к последующей специализации в узких нишах удовлетворения спроса на глобальном рынке. Этот процесс стал постепенно ослаблять возможности для географической диверсификации торговли Японии за счет освоения отдаленных рынков, что могло отразиться на сравнительно высоких показателях эластичности торговли по физическому расстоянию.

Для других стран СВА негативное влияние физического расстояния на торговлю было меньшим, что объяснялось несколькими причинами. Во-первых, расширение рынков сбыта

для китайской и южнокорейской продукции, в том числе за счет отдаленных стран и географической диверсификации импорта сырьевых и промышленных товаров для Китая и Республики Корея соответственно. Также, общая либерализация торговли в рамках глобальной экономики и снижение транспортных издержек, вследствие увеличения масштабов контейнерных перевозок, способствовали, с одной стороны, перемещению корпорациями производства массовых товаров в развивающиеся страны с трудоизбыточными экономиками, к которым, прежде всего, относится КНР, а с другой – к активизации товарообмена между странами Восточной Азии за счет внутрифирменной торговли, в рамках которой страны Большой тройки СВА принимали активное участие – Япония (в 1980-е – 1990-е гг.), Республика Корея и КНР. Во-вторых, в связи с санкциями к северокорейской экономике основным торговым партнером для нее стал Китай. При этом КНДР вынужденно диверсифицировала товарооборот со странами, не ограничивающими с ней торговые взаимодействия, в число которых входили удаленные государства Африки и Южной Америки. Данное обстоятельство на фоне сокращения внешнего товарооборота страны способствовало ослаблению негативного влияния физического расстояния на торговлю КНДР в условиях запретительных барьеров с Республикой Корея и Японией, а также заметного сокращения торговых взаимодействий с Россией.

Оценка эффекта границ для каждой страны СВА указала, что для КНР, Японии, Республики Корея и России торговля с Монголией отличалась большей интенсивностью по сравнению с торговыми взаимодействиями с другими странами субглобального региона. По этой причине, торговля с Монголией для указанных стран СВА рассматривалась в качестве базовой величины для определения значений эффекта границ с другими странами. В свою очередь, базовой величиной для Монголии и КНДР выступала их торговля с Россией и КНР соответственно. Поэтому указанные базовые величины были исключены из зависимости, а остальные фиктивные переменные, отражающие значения эффекта границ, являлись сравнительными по отношению к ним. Далее, полученные полуэластичности, отражающие значения сравнительного эффекта границ стран СВА, были пересчитаны в тарифный эквивалент (табл.2).

Таблица 2

Тарифный эквивалент сравнительного эффекта границ стран СВА, %

Сравнительный эффект границ	Страна СВА					
	КНР	Япония	Республика Корея	Россия	Монголия	КНДР
CN (торговля с Китаем)	–	29	27	128	293	0
JP (торговля с Японией)	102	–	46	137	232	68
KR (торговля с Республикой Корея)	62	35	–	119	172	127
RU (торговля с Россией)	63	15	23	–	0	38
MN (торговля с Монголией)	0	0	0	0	–	56
DPRK (торговля с КНДР)	84	71	73	135	530	–
ROW (торговля с остальными странами)	56	-15	13	71	44	66

Источник: расчеты автора.

Анализ показал, что практически все национальные экономики субглобального региона торговали с другими странами СВА менее интенсивно, чем с третьими странами, указывая на наличие сравнительно высоких барьеров, отраженных в эффекте границ. При прочих равных условиях, снижение данных барьеров в торговле между странами СВА способно вызвать увеличение товарооборота в субглобальном регионе за счет реализации имеющегося потенциала торгово-экономических взаимодействий.

По причине сосредоточения между странами Большой тройки основного объема товарооборота субглобального региона, снижение барьеров в торговле между КНР, Японией и Республикой Корея за счет ослабления отклонения их торговли в пользу третьих стран способно, при прочих равных условиях, нарастить товарообмен СВА в целом. При этом

оценки указали на наличие высоких барьеров в торговле между Японией с одной стороны и КНР с Республикой Корея – с другой. Отсутствие интеграционного формата между странами Большой тройки СВА сдерживало торговлю в субглобальном регионе. При этом, создание интеграционного формата странами Большой тройки СВА не приведет к нивелированию всех барьеров в торговле, а только их снизит до определенного уровня, как в случае ЗСТ между КНР и Республикой Корея. Поскольку товарооборот указанных трех стран формировался промышленными товарами с высокой добавленной стоимостью, для заметного снижения барьеров в торговле между странами Большой тройки СВА необходимы усилия по созданию «глубокого» интеграционного формата [9], что предполагает реформирование экономики Республики Корея и особенно КНР. В этом случае, товарооборот между странами Большой тройки СВА и субглобального региона может заметно возрасти.

Россия и Монголия характеризовались высокими барьерами со странами Большой тройки СВА. Поскольку основным торговым партнером России и Монголии являлся Китай, то для данных стран сближение с китайской экономикой способно заметно увеличить их внешнюю торговлю. Поскольку Россия и Монголия поставляют на китайский рынок сырьевые товары, которые Китай практически на облагает импортными пошлинами, имеется проблема доступа для товаров данной группы на внутренний рынок КНР, минуя межпровинциальные барьеры, которые в пространственном измерении ограничивают поставки российской и монгольской продукции с низкой добавленной стоимостью. С этой точки зрения, важным компонентом для дальнейшего сближения российской и монгольской экономик с одной стороны и Китая – с другой, является доступ китайской продукции на рынок ЕАЭС и Монголии в рамках реализации политики по снижению барьеров между странами, а также возможность для диверсификации поставок российской и монгольской продукции в рамках внутреннего рынка КНР, что при прочих равных условиях может быть реализовано следующими способами: приток прямых китайских капиталовложений в транспортный и ресурсный секторы экономики данных стран; заключение соглашений, облегчающих доступ товаров на китайский рынок, минуя посредников в приграничных провинциях. Указанные аспекты требуют не создания интеграционного формата между странами, а скорее наращивания взаимодействий в рамках совместных проектов, даже в условиях текущих экзогенных ограничений.

Что касается КНДР, то оценки показали на привязку данной экономики к китайскому рынку, а также на высокие барьеры в ее торговле с Республикой Корея. КНДР можно охарактеризовать как страну, имеющую «скрытый» потенциал для торгового сотрудничества, который существенно сдерживается особенностями ее экономики, внешней и внутренней политики, а также значительными внешними ограничениями, которые совокупно создают непреодолимые барьеры для развития торговых отношений с рядом соседних стран, формируя довольно узкий коридор для ее взаимодействий исключительно с китайской экономикой. В случае снижения данных барьеров, КНДР может значительно нарастить товарооборот прежде всего с Республикой Корея – с территориально близким и одним из крупных зарубежных рынков, со страной, имеющей общий язык с Северной Кореей и некогда единую историю.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ и полученные оценки указали на имеющиеся экономические предпосылки для расширения торговли в СВА, в которой Китай играет связующую роль между странами Большой тройки и «периферийными» экономиками. По всей видимости, китайская сторона осознает свои преимущества в СВА, способствуя дедиверсификации торговли «периферийных» экономик в пользу собственного рынка, осуществляя при этом поэтапное сближение с Республикой Корея, посредством двусторонней зоны свободной торговли и с Японией – через механизмы многостороннего формата ВРЭП. В результате реализации такой внешнеэкономической политики, китайская экономика получает преимущества в своем развитии, став для всех стран СВА в текущих условиях наиболее эффективным, либо, в ряде случаев, единственным возможным торгово-экономическим партнером. Несмотря на то, что снижение барьеров может способствовать расширению внутрирегиональной торговли, накопившиеся внешнеполитические противоречия между

некоторыми странами субглобального региона, а также политическое и экономическое влияние третьих стран, значительно затрудняют реализацию имеющегося потенциала торгово-экономического сотрудничества между странами СВА.

Литература

1. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.
2. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. Issue 1. Pp. 170–192. <https://doi.org/10.1257/000282803321455214>
3. Choi Y. Political economy of free trade agreements in China, Japan, and South Korea: sectoral politics of the FTA wave, 1998–2016 // *Japanese Journal of Political Science*. 2020. Vol.21. Pp.145–157. <https://doi.org/10.1017/S1468109920000031>
4. Jackson K., Shepotylo O. Transforming East Asia: Regional Integration in a Trade War Era // *Open Economies Review*. 2023. Vol.34. Pp.657–672. <https://doi.org/10.1007/s11079-022-09698-y>
5. Mayer T., Zignago S. Market Access in Global and Regional Trade / CEPII Working Paper No 2005-02. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2005/wp2005-02.pdf (дата обращения: январь 2025).
6. Statistics Data centre / UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: январь 2025).
7. Tochkov K. North Korea's trade and the integration of Northeast Asia // *Asia and the Global Economy*. 2021. Vol. 1. Pp.100007. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2021.100007>
8. World Economic Outlook Database / IMF. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: январь 2025).
9. Xu Y., Yang X., Mai N. Impacts of deep trade agreements on trade and welfare – An application to China joining the RCEP and CPTPP // *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2024. Pp.1–23. <https://doi.org/10.1080/09638199.2024.2336022>
10. Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model / United Nations; World Trade Organization. 2016. 137 p. URL: <https://doi.org/10.30875/abc0167e-en> (дата обращения: январь 2025).